

Дианов Сергей Александрович

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ДЕЛО НА УРАЛЕ В 1920-1930-Е ГГ.: ЦЕНЗУРНЫЙ КОНТРОЛЬ

В статье раскрывается малоизученная тема цензурного контроля за издательским и типографским делом на территории Урала в 1920-1930-е гг. Показано многообразие форм и технологий контроля, применяемых уральскими цензурными органами в отношении продукции местных типографий и издательств. Статья написана на основе широкого круга источников, часть которых впервые введена в научный оборот.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/5-3/12.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11): в 4-х ч. Ч. III. С. 51-55. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/5-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

63. Слезин А. А., Беляев А. А. Коммунистическое «министерство молодёжи» в духовной сфере жизни послевоенного советского общества // Там же. № 12. С. 30-35.
64. Слезин А. А., Беляев А. А. Провинциальный комсомол в системе взаимоотношений Советского государства и Русской Православной Церкви: 1940-е – начало 1960-х гг. // Там же. 2010. № 1. С. 22-29.
65. Слезин А. А., Беляев А. А. Школьные комсомольские организации в условиях послевоенного развития: 1945-1954 гг. // Берегиня. 777. Сова: общество, политика, экономика. 2010. № 3 (5). С. 19-29.
66. Слезин А. А., Беляев А. А., Бредихин В. Е. Становление системы общего вечернего образования: роль комсомола // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики. 2009. № 3 (4). С. 23-28.
67. Слезин А. А., Бурахина О. А. Экономические итоги деятельности студенческих строительных отрядов Тамбовской области // Вестник Тамб. гос. техн. ун-та. 2007. Т. 13. № 1 Б. С. 336-346.
68. Слезин А. А., Дик А. А. Сельские учреждения для беспризорных детей в Тамбовской губернии 1920-х годов // Русское село в XIX-XX вв.: материалы междунар. конф. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2009. С. 92-101.
69. Тамбовский комсомол: грани истории [Электронный ресурс] / И. В. Двухжилова, В. В. Красников, Р. В. Скорочкин, В. В. Скребнев и др. URL: <http://gaspito.ru/index.php/publication/34-izdaniya/141-tambovskii-komsomol-soderzhanie> (дата обращения: 06.06.2011).
70. Тамбовский комсомол: грани истории: 1918-1945 / С. А. Чеботарёв, В. Е. Бредихин, Р. Л. Никулин и др.; науч. ред. А. А. Слезин. Тамбов: Изд-во «Пролетарский светоч», 2008.
71. Тамбовский комсомол: грани истории: 1946-1991 / Д. М. Олейников, И. В. Двухжилова, А. А. Беляев, В. Е. Бредихин и др.; науч. ред. А. А. Слезин. Тамбов: Юлис, 2010.
72. Щупленков О. В. Адаптационные возможности русской эмиграции «первой волны» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2010. № 2 (6). С. 115-117.
73. Щупленков О. В. Молодёжные организации в эмиграции «первой волны» // Молодой ученый. 2010. № 5. Т. 2. С. 117-120.
74. Щупленков О. В. Пореволюционные идеологические течения молодёжи в эмиграции // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 8. С. 128-133.
75. Щупленков О. В. Сохранение и формирование национально-культурной идентичности у молодёжи Российского Зарубежья в 1920-1930-е гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2010.

TAMBOV SCIENTISTS' CONTRIBUTION TO YOUTH MOVEMENT RESEARCH

Irina Vladimirovna Dvukhzhilova, Ph. D. in History, Associate Professor
*Department of History and Philosophy
Tambov State Technical University
e_riniya@mail.ru*

The author reveals the preliminary results of the activity of the scientific school “Youth Movement History in Russia” which was formed at the Department of History and Philosophy of Tambov State Technical University.

Key words and phrases: youth; Komsomol; scientific school; juvenology; everyday life; political control; collectivization; Tambov region; industry.

УДК 94(470.5)“1921/1940”

В статье раскрывается малоизученная тема цензурного контроля за издательским и типографским делом на территории Урала в 1920-1930-е гг. Показано многообразие форм и технологий контроля, применяемых уральскими цензурными органами в отношении продукции местных типографий и издательств. Статья написана на основе широкого круга источников, часть которых впервые введена в научный оборот.

Ключевые слова и фразы: Урал; Главлит; цензура; издательское дело; уральские цензурные органы.

Сергей Александрович Дианов, к.и.н., доцент
*Кафедра новой и новейшей истории России
Пермский государственный педагогический университет
dianov-sa@rambler.ru*

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ДЕЛО НА УРАЛЕ В 1920-1930-Е ГГ.: ЦЕНЗУРНЫЙ КОНТРОЛЬ®

В 1919-1921 гг. цензурный контроль над всем издательским процессом в Советской России осуществлял Госиздат. В период Гражданской войны деятельность частных и кооперативных издательств подвергалась превентивному контролю. Особенную активность ГИЗ проявил в 1920 г., когда многие частные издательства были закрыты по мотиву «нехватки бумаги». Если в 1919 г. эти предприятия выпустили пятую часть всей книжной продукции, то в 1920 г. – только 5,87% [6, с. 238]. По этому вопросу нарком просвещения А. В. Луначарский писал 24 февраля 1920 г. главе ГИЗа В. В. Воровскому, что от столь ретивого закрытия

частных издательств и типографий «мы ничего не выиграем». По мнению наркома, «частная инициатива» больше помогала, чем «вредила» работе Госиздата [Там же, с. 239].

12 декабря 1921 г. СНК РСФСР издал декрет о частных издательствах, в соответствии с которым их деятельность была признана властью необходимой. Частные конторы отныне могли работать по заказам государства через ГИЗ, который утверждал их издательские планы. Это в какой-то мере оживило частное издательское дело в стране, наметился рост числа кооперативных типографий.

В «Положении о Главном управлении по делам литературы и издательств (Главлите)» от 6 июня 1922 г. на Главлит и его местные цензурные органы были возложены функции политического контроля над всем издательским процессом в стране. В первую очередь Главлит получил право на издание «правил, распоряжений и инструкций по делам печати, обязательных для всех органов печати, издательств, типографий, библиотек и книжных магазинов» [8]. Кроме всего прочего, в пункте 11 говорилось: «Заведующие типографиями и заводоуправлениями, под страхом судебной ответственности, обязаны неуклонно следить за тем, чтобы печатаемые в их типографии произведения имели разрешительную визу Главного Управления по делам литературы и издательства или его органов». Здесь же впервые появилось предписание всем типографиям и издательствам предоставлять в органы Главлита «по пяти экземпляров всякого рода печатного произведения до его напечатания».

Контроль над издательским делом стал одним из главных направлений в работе органов советской цензуры. От местных цензоров Главлит требовал предоставления информационных отчетов о состоянии издательского дела в регионе. 21 декабря 1922 г. была утверждена форма отчета для уездной цензуры [1, д. 1, л. 17]. В «Положении о гублитах при губОНО Уральской области», распространенном в январе 1923 г., главный цензурный орган на Урале – Уралобллит – поручил цензорам осуществлять предварительную цензуру всех предназначенных к опубликованию и распространению произведений, выдавать разрешения на право издания отдельных произведений, а также «право организации новых издательств» [4, д. 533, л. 5 об.]. Кроме этих полномочий цензоры получили также право приостановления деятельности издательств, а в случае выявления фактов их «преступной деятельности» – право на закрытие издательств.

С февраля 1923 г. в отчетных докладах цензоров в Уралобллит стала появляться информация о первых результатах контроля над издательской деятельностью. Так, тюменский губернский цензор В. А. Чуканцева в докладе за первую половину января 1923 г. отмечал, что в Тюменской губернии имелось всего три издательства, которые выпускали газеты «Трудовой набат», «Пролетарская искра», «Тобольский Север». «Трудовой набат» и «Тобольский Север» являлись официальными печатными органами партийных комитетов РКП(б) и исполкомов местных Советов. Издание «Пролетарской искры» находилось в ведении «органов Совнацмена», и газета была адресована татаро-башкирскому населению губернии. «Других изданий в губернии нет», – писал В. А. Чуканцева [Там же, л. 6]. В отчетном докладе за февраль 1923 г. цензор Ирбитского уезда А. Г. Арыкин приводил данные о том, что во всем Ирбитском уезде Екатеринбургской губернии имелась только одна типография, «находящаяся в ведении Полиграфкуста»; за февраль 1923 г. в типографии было опубликовано 37 «произведений», прошедших предварительный контроль улита. В числе издаваемых отмечено 19 номеров газеты «Ирбитская ярмарка», которая являлась совместным проектом местного ярмарочного комитета и екатеринбургского издательства «Уральский рабочий». «Газета носит характер специально-торговый, имеет целью освещение хода ярмарки и торговых операций», – отмечал А. Г. Арыкин. Кроме того, в печать были допущены такие вещи, как: объявление о продаже пива тиражом в 500 экз., объявление об открытии пивной лавки тиражом в 200 экз., объявление о продаже колбас тиражом в 50 экз., объявление о продаже и приеме заказов в товариществе «Сухофрукты» тиражом в 20 экз. [1, д. 1, л. 38, 42].

В «Кратком обзоре деятельности Уралобллита» за первые полтора месяца 1923 г. начальник Уралобллита А. Д. Ослоновский приводил следующие цифры учета типографий по региону. Так, в Екатеринбургской губернии имелось 17 типографий, из которых 8 располагались на территории г. Екатеринбурга. В Челябинской губернии функционировали всего три типографии, в Пермской губернии – 8 в городе Перми и 10 в уездах. «Во время ревизии типографий в г. Екатеринбурге в январе месяце оказалось четыре нарушения правил, виновные зав. типографиями подвергнуты штрафу», – писал А. Д. Ослоновский [3, д. 2, л. 15]. В отчетном докладе в Главлит за июнь 1923 г. руководитель Уралобллита особо подчеркивал, что в губерниях Урала выходила в свет «преимущественно коммунистическая, профессиональная и советская печать». Частных издательств зарегистрировано не было. Приводился пример открытия в г. Екатеринбурге «солидного издательства», объединившего усилия нескольких «госорганов» с участием парткомов РКП(б). Речь шла об акционерном обществе «Уралкнига». «Никаких отклонений от намеченных Издательствами программ относительно влияния чуждых нам элементов и других партий на издания не было, – отмечал А. Д. Ослоновский. – Иностранческого и клерикального влияния на издательства нет» [Там же, л. 3 об.].

28 августа 1923 г. Уралобллит утвердил новые формы ежемесячных информационных отчетов для цензоров. Так, в форму отчета «О периодических изданиях» вошли следующие вопросы: «1. Наименование вышедших периодических изданий за отчетный месяц. 2. Характер издания. 3. Кем издается, чей орган? 4. Периодичность издания. 5. Тираж издания. 6. Сколько вышло № и копий. 7. Количество печатных листов. 8. Количество выбросок и их характер». В это же время Уралобллит направил цензорам «Анкету для учета деятельности книгоиздательства». Кроме выходных данных издательства цензоры должны были предоставить подробные сведения обо всех его работниках. Особое внимание следовало уделить партийности редакторов, их социальному положению и профессиональным навыкам [1, д. 1, л. 6].

Проблема распространения произведений зарубежных издательств на территории Советской России была одной из самых актуальных. 26 февраля 1924 г. Уралобллит издал циркуляр, содержащий список зарубежных издательств, книгопродукция которых объявлялась запрещенной Главлитом к ввозу и обороту на территории СССР [Там же, д. 2, л. 7]. Цензорам предписывалось «исследовать» книжный рынок и совместно с уполномоченными ОГПУ проводить мероприятия по изъятию подобной литературы.

16 марта 1925 г. Уралобллит выпустил циркуляр «Ко всем заведующим издательствами, редакторам газет и журналов». В этом обращении к издателям А. Д. Ослоновский отмечал, что служащие некоторых издательств после получения визы цензора позволяли себе делать «вставки» и «дополнения» в текст произведения. По мнению главного цензора, эти действия противоречили всем цензурным «распоряжениям». А. Д. Ослоновский требовал от издательств не допускать никаких «вставок» или «исправлений» в уже разрешенный цензором текст. «В случае дальнейших подобных нарушений со стороны издательств, редакторов и авторов, а также угрозы типографиями о приеме таких рукописей в машину, Уралобллит при УралОНО вынужден будет принимать законные меры привлечения виновных к ответственности», – писал А. Д. Ослоновский [3, д. 3, л. 23]. Таким образом, любая инициатива издателя объявлялась наказуемой.

В циркуляре № 115/с от 11 мая 1925 г. Уралобллит требовал от окрлитов не допускать к печати в типографиях материалы, имевшие «царские цензурные пометки на обложках». Кроме того, запрещалось выдавать разрешение на опубликование материалов, содержащих сведения о самоубийствах и случаях «умопомешательства» на почве голода. Цензорам также предписывалось строго следить за тем, чтобы издательства не имели возможности издавать сочинения В. И. Ленина, так как это дело объявлялось «монополией Совпартиздательства» [1, д. 3, л. 31]. Базы данных цензурного ведомства постоянно обновлялись, шла подготовка нового инструктивного материала.

3 апреля 1926 г. под грифом «совершенно секретно» Уралобллит выпустил «Инструкцию по цензуре и печати». В этом документе, в частности, были обозначены новые принципы работы органов уральской цензуры с издательствами. Во-первых, цензорам предписывалось руководствоваться не столько «узкополитическими» соображениями, сколько «педагогическими». Речь шла о частных издательствах, о приобщении их к выполнению задач советской культурной политики. Во-вторых, разрешился вопрос о религиозных изданиях. Отныне все без исключения «церковные издания» должны были проходить процедуру допуска только в Главлите. Наконец, только по «соглашению» с Главлитом цензор мог выдавать разрешения на издание журналов и газет левозерских и анархических партий [3, д. 8, л. 42].

Уральские издательства и типографии не всегда выполняли цензурные требования. В циркулярном письме пермскому цензору от 30 августа 1926 г. заведующий Уралобллитом М. Р. Ланге отмечал, что «Очерк по экономической истории Урала XVII века» А. И. Дьякова был «выпущен без указания издательства». «Напоминается необходимость помещать на всякое издание точное наименование издательства, на авторских изданиях ставить пометку “издание автора”», – писал М. Р. Ланге [1, д. 4, л. 103]. Особое недовольство цензурного органа вызвало «наводнение» книжного рынка «беллетристической литературой». 30 августа 1927 г. Уралобллит направил в окрлиты циркуляр, где потребовал направлять всю предлагаемую издательствами к опубликованию «беллетристику» в Уралобллит «для просмотра и разрешения» [Там же, д. 5, л. 46].

Летом 1927 г. вышла в свет очередная инструкция Уралобллита «О порядке печатания в свет печатных произведений». В соответствии с п. 7 документа все печатные издания перед опубликованием должны были иметь на внутренней стороне титульного листа следующие реквизиты: номер разрешения обллита или окрлита, тираж издания, наименование полиграфического предприятия, адрес типографии, полное наименование издательства или издателя, а также стоимость отдельного экземпляра этого печатного издания. Готовые печатные издания могли передаваться типографией издателю только с «последующей» разрешительной визой цензурного органа. Получить такую визу типография могла лишь после предоставления данного материала в обллит и окрлит на просмотр, а также квитанции об отправке обязательных экземпляров в Главлит, органы ОГПУ, Центральную книжную палату [Там же, л. 5].

В конце 1920-х гг. цензурный контроль над издательским делом набирал обороты. В августе 1928 г. Уралобллит запретил допускать в печать рекламу фармацевтических препаратов, сведений о производстве «искусственного волокна», об экспорте муки. В сентябре 1928 г. появилось распоряжение обллита об обязательном визировании в органах цензуры материалов стенгазет, листовок, «вывешиваемых на видных местах». 25 июня 1929 г. Уралобллит издал циркуляр, содержащий запрет на опубликование в печати любых сведений об эпидемиях, вспышки которых имели место на территории региона. В этом же циркуляре требовал от типографий сокращения тиража афиш, листовок и другого мелкопечатного материала. Афиши следовало отныне печатать «только на одной трети листа большого формата» [Там же, д. 7, л. 44].

В 1930-1931 гг. вышел в свет целый ряд нормативных документов, так или иначе касающихся вопросов цензуры издательского дела. В сентябре 1930 г. появилось «Положение об уполномоченных Главлита в издательствах и типографиях». 31 декабря 1930 г. Наркомпрос РСФСР издал «Инструкцию уполномоченным Главлита при государственных издательствах». 4 июля 1931 г. Главлит в циркуляре «Всем заведующим издательствами» требовал от последних «создать для политредакторов Главлита соответствующую обстановку для осуществления предварительного контроля». В каждом издательстве и типографии учреждалась должность политредактора Главлита, для которого устанавливалась норма «просмотра» до 250 печатных листов в месяц. Политредактору полагалось выделение отдельного помещения кабинетного типа, телефонной связи и канцелярских принадлежностей. На обллиты и крайлиты возлагалась обязанность «своевременно

информировать политредакторов о партийных директивах, правительственных распоряжениях и директивах Главлита» [3, д. 22, л. 19].

В первой половине 1930-х гг. на Урале наметился рост численности типографий. В 1931 г. появились районные типографии, при которых начали свою работу уполномоченные Главлита. Вместе с тем новый начальник Уралобллита П. П. Бажов выражал недовольство деятельностью ответственных за цензуру служащих типографий. «Если в старых типографиях ни один наборщик не примет к набору рукопись без визы Лито, – говорил П. П. Бажов, – то во вновь организованных районных типографиях нередки случаи либеральничания и конченных размышлений на темы: кто выше – райком или райлит» [1, д. 22, л. 60]. П. П. Бажов в докладе о деятельности его ведомства за 1931 г. отмечал «неукомплектованность» районных типографий, вследствие чего в печать проходили «контрреволюционные опечатки». Одной из главных задач на 1932 г. П. П. Бажов считал создание эффективной системы контроля за типографиями. «Основными требованиями должно быть, чтобы ни один вид газетной и книжной продукции не выпускался из типографии без предварительного просмотра и визы Райлито», – утверждал Бажов [3, д. 22, л. 62]. К середине декабря 1931 г. Уралобллиту удалось организовать аппарат уполномоченных при уральском отделении ГИЗа, а также при свердловском издательстве «Гранит».

В 1933 г. Уралобллит издал серию распоряжений об изъятии из книготорговой и библиотечной сети некоторых печатных изданий уральского отделения ГИЗа. Под запретом оказались книги, посвященные сельскому хозяйству Урала. Так, 31 марта 1933 г. в районы был направлен циркуляр с требованием о «немедленном» изъятии книги писателя Алтунина «Каждому колхозу свой севооборот» [2, д. 70, л. 14]. В апреле 1933 г. Уралобллит в очередном обращении к районной цензуре требовал изъять из всех книжных магазинов и киосков книги писателя Филиппова «Что сеять на Урале?» и «Животноводство на Урале». В следующем месяце под запретом оказались книги «Агротехника и повышение урожайности» писателя Шимаева, «Агроправила по полевым культурам» писателей Петрова, Короля и Михайлова [Там же, д. 88, л. 18-19].

16 ноября 1934 г. Главлит издал циркуляр, адресованный всем местным органам цензуры. В циркуляре устанавливался новый порядок работы уполномоченных Главлита при типографиях. Отныне цензорам запрещалось выдавать разрешение на выпуск в печать какого-либо издания до того времени, когда «весь материал вместе с заголовками, шапками, клише и подписями» не будет окончательно сверстан. «Каждый цензор обязан оставаться в типографии вплоть до подписания редактором полос к печати», – говорилось в циркуляре [Там же, д. 111, л. 10]. В печатных изданиях запрещалось оставлять белые полосы или места без текста.

Во второй половине 1930-х гг., несмотря на выстраивание жесткой системы цензурного контроля над технологическим процессом издания печатных произведений, органам Главлита на Урале все же не удавалось свести до минимума количество выходящих из-под типографского станка «прорывов». К идеологически вредной информации цензоры относили так называемые «опечатки» в периодических изданиях. По признанию начальника Челябинского обллита П. Н. Шмелева, имевший место в третьем квартале 1937 г. рост опечаток придавал тексту выходящих в свет газет «контрреволюционный смысл» [7, д. 8, л. 105]. Порой в опечатках руководство уральских обллитов видело проiski «врагов народа». П. Н. Шмелев отмечал, что в редакции газеты «Челябинский рабочий» в августе 1937 г. были «разоблачены и арестованы враги народа» – редактор газеты и его заместитель [Там же, л. 106].

В районах Пермской области в 1939 г. уполномоченные обллита малоэффективно контролировали издательскую деятельность. Так, в Очерском районе заведующий местной типографией длительный период самостоятельно проставлял визы цензора на периодические издания. При этом районный цензор Катков бездействовал. В Больше-Усинском районе уполномоченный Хохлов совсем не «литировал мелкопечатную продукцию». В Верецагинском районе уполномоченный М. Туров вопреки всем инструкциям Главлита допускал к изданию печатный материал, не имевший подписи редактора» [5, с. 107]. В 1940 г. усилиями аппарата управления Пермобллита было проведено несколько «индивидуальных бесед» с редакторами периодических изданий и заведующими издательствами. В декабре 1940 г. в г. Кизеле состоялось совещание редакторов многотиражных газет с начальником обллита М. Н. Пермяковой. Редакторы и издатели были предупреждены о персональной ответственности за «разглашение гостайн» [Там же, с. 108].

В заключение отметим, что цензурный контроль над издательским делом оставался ведущим направлением в работе местных органов Главлита и в последующие периоды существования института советской цензуры. В 1920-1930-е гг. были выпестованы принципы и механизмы цензурного контроля над деятельностью типографий и издательств. Контролю подвергался не только сам текст произведения, но и его тираж, расход печатных материалов. Цензорам нередко приходилось сталкиваться с противодействием со стороны издателей и редакций. В целом же издательское дело и журналистика оказались, действительно, под жестким прессом органов Главлита.

Список литературы

1. Государственный архив в г. Ирбите. Ф. Р-472. Оп. 1.
2. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р-684. Оп. 3.
3. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-577. Оп. 1.
4. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 1. Оп. 1.
5. Дианов С. А. «Крепкая узда пролетарской диктатуры»: органы Главлита на Урале в 1922-1941 гг. Пермь, 2010.
6. Жирков Г. В. История цензуры в России XIX-XX вв.: учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2001. 368 с.
7. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р-496. Оп. 2.
8. Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 40. Ст. 461.

PUBLISHING BUSINESS IN URAL IN THE 1920S-1930S: CENSORIAL CONTROL

Sergei Aleksandrovich Dianov, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of New and Modern Russian History
Perm' State Pedagogical University
dianov-sa@rambler.ru

The author reveals the little-studied theme of censorial control over publishing and printing business within Ural territory in the 1920s-1930s and shows the variety of control forms and technologies applied by Ural censorial authorities in relation to the production of local typographies and publishing houses. The article is written on the basis of the broad range of sources some of which are for the first time introduced into scientific circulation.

Key words and phrases: Ural; General Directorate for the Protection of State Secrets in the Press; censorship; publishing business; Ural censorial authorities.

УДК 659.44(470.55)+659.1(470.55)

В статье рассматриваются процессы создания и трансляции имиджа региона с точки зрения информационно-семиотического подхода. Внимание уделяется ценностям, на которых базируется имидж региона, транслируемый в социокультурной коммуникации. На примере Челябинской области анализируются инициаторы создания имиджа региона и его целевые аудитории. Исследуются сообщения и каналы, задействованные в процессе трансляции имиджа региона, рассматриваются формы обратной связи.

Ключевые слова и фразы: имидж; имидж региона; формирование и трансляция имиджа региона; социокультурная коммуникация региона; ценности; региональная культура.

Алия Ануваровна Добрикова
Кафедра массовой коммуникации
Южно-Уральский государственный университет
krater@newmail.ru

ИМИДЖ РЕГИОНА В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ТРАНСЛЯЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ)[©]

В центре внимания теории культуры находятся различные явления современного мира, которые можно изучать, используя разнообразные методологические подходы. Одним из них является информационно-семиотический, предполагающий рассмотрение культуры как «совокупности ненаследственной информации, которую накапливают, хранят и передают разнообразные коллективы человеческого общества» [4, с. 56]. Данный подход позволяет максимально адекватно и продуктивно исследовать такое социокультурное явление, как имидж региона.

Успешное развитие региона связано с несколькими факторами, среди которых – удобное географическое положение, сильная промышленность, грамотное руководство. Однако в последние годы многие исследователи из различных областей приходят к мысли о том, что развитие территории зависит и от нематериальных активов, в число которых входит имидж, а в контексте нашего исследования – имидж региона. Данный нематериальный актив напрямую связан с привлечением в регион инвесторов и высококлассных специалистов, а также со снижением социальной напряженности населения территории и развитием региональной культуры.

Имидж региона представляет собой модель территории, которая создается по инициативе руководства региона, базируется на таком его имманентном качестве, как ценности, позволяет воспринимать его как значимый, тем самым выделяя из совокупности ему подобных, и транслируется группам целевой обществуности, на которых призвана оказать воздействие. Ценности, лежащие в основе имиджа, являются ключевыми элементами данной модели. Именно они определяют содержательный план имиджа. Ценности могут быть материальными и духовными, их также можно разделить в зависимости от степени важности (имеющие первостепенное значение, значение второй степени важности и т.п.). Определить, какие ценности актуальны в процессе построения имиджа того или иного региона, возможно лишь в том случае, если разработчики имиджа имеют достаточно полное представление о специфике региональной культуры, важным элементом которой являются ценности.

Трансляция имиджа осуществляется в процессе социокультурной коммуникации, которая представляет собой «процесс взаимодействия между субъектами социокультурной деятельности (индивидами, группами, организациями и т.п.) с целью передачи или обмена информацией посредством принятых в данной культуре знаковых систем (языков), приемов и средств их использования» [3, с. 317-318]. К элементам социокультурной